

Город оставался тем же городом, но он давно изменился до неузнаваемости, превратившись в нечто совершенно чужое.

Он медленно брёл по кампусу, где они некогда бывали, всматриваясь в каждый предмет, в котором еще теплились следы прошлого, и без всякой надежды отыскал ту самую лавку — памятную, уютную лавку из воспоминаний.

Он медлил, он кружил вокруг, он томился в нерешительности, он... не смел войти.

До чего же он, право, жалок! Дожив до таких лет, он всё еще не осмеливался взглянуть правде в глаза, упрямо блуждая по этому незнакомому миру.

Он ушел. Ушел...

Брёл, брёл без цели — неведомо куда...

— Сколько еще ты собираешься строить из себя такую развалину? — внезапно прозвучал у самого уха голос — то ли знакомый, то ли чужой, — да так оглушительно, что у него едва не заложило уши.

Отрастившее старческую немощь тело одеревенело, он с трудом оглянулся — и то, что предстало его взору, заставило его зрачки сузиться до точек.

Молодой, всё с тем же отвратительно послушным выражением лица, всё такой же ненавистный.

Ты...

Сколько лет минуло? Те, с кем сводила судьба в те дни, уже давно ушли из жизни, а сам он, изнуряя себя в этом мире, превратился в дряхлого старика. Но этот человек... этот человек по-прежнему выглядел юным и полным жизненных сил.

— Хочешь снова увидеть его? — спросил Лян Чжуан.

О ком шла речь — оба понимали без лишних слов.

Он... уже ушел. Навсегда.

— А если у тебя еще появится шанс встретиться с ним и всё исправить, ты готов?

М-можно ли? Неужели выпадет второй шанс? Разве такое возможно? Разум твердил ему: невозможно, но сердце подсказывало: да.

— Можно. Только... тебе придется бросить вызов небесам.

Бросить вызов небесам? Ха, не верю я никаким небесам.

— Мне всё равно, веришь ты в небеса или нет. А мне ты веришь?

...Я... верю... Верю тебе.

— Вот и хорошо. Я позволю твоей душе последовать за ним...

...Раз уж ты такой могущественный, почему бы тебе самому не отправиться туда?

...Я... совершил ужасную ошибку, я... упустил свой шанс, навсегда...

...

В оставшиеся годы Ань Цзыцзэ уже и сам не помнил, сколько раз горько раскаивался: он осознал свою любовь слишком поздно, так и не успев толком понять собственные чувства.

Если бы представился еще один шанс, он ни за что на свете не повторил бы прежних ошибок.

На сей раз он... не сдастся.

— Он способен путешествовать между мирами, но тебе суждено лишь переродиться. С каждой новой реинкарнацией ты будешь терять память, так что лучше сделай всё возможное, чтобы отыскать его и защитить...

— Не учи меня.

— Твоим залогом станут серьги, которые ты когда-то подарил ему.

...Чего ты добиваешься?

— Хе-хе, я-то? Бросаю вызов небесам...

Тайны Лян Чжуана...

Он перебирал в руках увесистую стопку документов, и все они касались лишь одного человека.

Глядя на чужую фотографию, он вновь вырезал этот образ в глубине души, делая шрамы еще глубже. Каждое такое движение отзывалось невыносимой болью в сердце, но он шел на это добровольно, не оглядываясь назад.

Лян Чжуан тяжело вздохнул, и на его детском, не по годам наивном лице проступило выражение раздражения и сосредоточенности, совершенно не вязавшееся с внешностью. Ему хотелось слишком многого, но возможности его были ничтожно малы: его тело опутали терновые ветви, сковывая по рукам и ногам так, что у него не хватало сил вырваться.

И всё же...

Взгляд Лян Чжуана снова вернулся к фотографии в досье. Тягостное выражение мгновенно испарилось, сменившись чем-то еще более глубоким и мрачным. Хорошо, как хорошо, что я все-таки смогу тебя увидеть...

Настроение Лян Чжуана внезапно вновь погрузилось в тягостное затишье. Взгляд его помрачнел, и он холодно бросил:

— Отдай мне это.

Стоявший на страже крупный мужчина вздрогнул, словно ему вкололи дозу адреналина, выпятил грудь и широким шагом приблизился к Лян Чжуану, протягивая бумаги, которые уже успели пропитаться потом его ладоней. Стоило ли говорить, что эта папка жгла ему руки уже черт знает сколько времени, и он был безумно рад, что она наконец понадобилась.

Лян Чжуан медленно взял досье, нахмурившись, раскрыл его — и при виде фотографии на первой странице в его душе вновь всколыхнулась волна жгучей ненависти. Прошло ли с тех

пор тысячелетие или мириады лет, но при виде этого человека он по-прежнему испытывал предельное отвращение. Однако он был вынужден поступить именно так: у него не оставалось выбора, он... должен был ответить за ошибки прошлого.

Он до крови закусил губу, с такой силой впившись в нее зубами, что на коже проступили неровные багровые следы, а на белоснежных резцах осталась розоватая испарина.

Ань Цзыцзэ, смотри у меня, не разочаруй.

Мужчина продолжал мелко дрожать всем телом, исподлобья поглядывая на него: умоляю, хватит источать такую убийственную жажду крови, это же до жути страшно...

Но как бы ни было тяжело бедняге, он не смел произнести ни звука и даже боялся вздохнуть лишний раз — шутки плохи, жить ему еще хотелось.

Убийственная аура Лян Чжуана быстро рассеялась. Он захлопнул папку и швырнул ее мужчине. Тот с видом погребального плакальщика поспешно поймал бумаги — когда же наконец удастся избавиться от этой раскаленной добела картошки?

Стоило только избавиться от досье Ань Цзыцзэ, как Лян Чжуан тут же схватил материалы на Фан Цзиня, словно наевшись чего-то отвратительно горького и отчаянно нуждаясь в утешении в виде засахаренных фруктов.

Какой же он капризный...

мысленно выругался громила, хотя на лице не посмел выразить и тени недовольства.

Впрочем, от пронизательного Лян Чжуана подобные мелочи утаить было невозможно. Творения достойные тысячелетнего духа, он лишь махнул рукой, отпуская подчиненного.

В просторном помещении он остался один.

Сперва царило полное спокойствие, но в этой мертвенной, застывшей глади вод вдруг взметнулись огромные волны, которые уже ничто не могло унять.

Лян Чжуан сжал руки в кулаки, так сильно стиснув зубы, что челюсти заныли, а на лице читалась такая глубокая мука, будто от его сердца отрывали самый нежный кусок плоти.

Боль пронзила насквозь...

Лян Чжуан беззвучно рассмеялся. Понять истинную ценность некоторых вещей можно лишь тогда, когда сам совершишь ошибку, но беда в том, что к тому моменту становится уже слишком поздно.

Беззвучный смех, беззвучные слезы...

Лишь познав острую боль утраты, начинаешь ценить то, что имеешь, а научившись ценить — понимаешь, когда нужно отпустить...

Лян Чжуан постепенно осел на пол, прижав руку к груди, скорчившись от невыносимой боли.

Он то сжимал ладони, то разжимал их — сжимал и разжимал, но в конце концов так ничего и не удержал в руках.

Любить человека — поистине непростая задача, да и ценить его не легче...

Эту истину он постиг ценой невероятных усилий.

Лян Чжуан медленно закрыл глаза. В пустом огромном зале находился лишь он один.

Слишком много белых пятен, слишком огромной и зияющей оказалась пустота.

Фан Цзинь...

— Если можно, я... могу ли я...

— Нельзя, — последовал безапелляционный ответ.

— П-почему?

— ...Это запретная грань.

Любимый мой, дорогой мой, неужели и ты коснешься этого табу? Или ты просто-напросто отвергаешь меня?

Впрочем, о подобном запрете мечтаю не я один. Тот самый Ань Цзыцзэ ведь тоже занимается тем же самым...

Однако ему никогда не догнать тебя, не правда ли? В конце концов, ты...

Никому не под силу прикоснуться к тебе, верно?

Именно ты, а не просто ты...

Ань Цзыцзэ... этот человек и впрямь невероятно раздражает, как и прежде.

Когда-то он точно так же искусно притворялся, тихонько следуя по пятам. Если бы не та случайность, этот тип, пожалуй, так и вился бы вокруг него вечно. К счастью, по крайней мере в прошлом он не проиграл ему.

Он еще не проигрывал этому человеку...

Нет...

Не проигрывал...

Точно не проигрывал...

По щеке скатилась слеза, увлажняя кожу. Закатившись в уголок губ, она принесла с собой легкий привкус соли и едва уловимую горчащую нотку.

Уголки его губ чуть дрогнули. Свернувшись калачиком прямо на полу, он обхватил себя руками. Душа и тело продрогли насквозь, а единственный огонек, единственный источник тепла уплыл от него невообразимо далеко.

Он больше не смел прикасаться к этому теплу. Более того — он боялся даже думать о нем.

Он страшился того, что едва ощутив это мимолетное тепло, он вновь потеряет его, погрузившись в ледянящий студеной морок, пережить который было бы выше его сил.

Трус ли он?

Он уже сам этого не понимал.

Если бы представилась малейшая возможность, он на самом деле отчаянно жаждал прикоснуться к нему... Право слово, какое же нелепое у него желание, да?

На сердце и на лице застыла горькая ухмылка.

Слезы, горечь, но вырваться из этого плена он уже был не в силах.

Недосягаемое прикосновение

Стоило материалам по второму миру заданий оказаться в руках Фан Цзиня, как он чуть не швырнул их обратно.

С малых лет Фан Цзинь панически боялся всевозможных жутких извращений и до отвращения омерзительных вещей, но этот мир, как назло, состоял из них целиком и полностью.

В таком-то году нашей эры на землю внезапно пролился кровавый дождь, и мир начал стремительно мутировать.

Семьдесят процентов населения планеты превратились в полуживых зомби, еще десять процентов погибли в первые же часы катастрофы — кого-то загрызли насмерть, кто-то сам обратился в ходячего мертвеца, и в итоге в живых осталось едва ли двадцать процентов людей.

В подобных декорациях Фан Цзиню предстояло переродиться в теле биохимика. После начала зомби-апокалипсиса первоначального владельца тела немедленно взяли под надежную защиту, и с тех пор он трудился на базе Синтянь, разрабатывая сыворотку, способную подавить вирус. Будучи круглым сиротой с единственным братом за душой, этот ученый избавлял Фан Цзиня от необходимости изображать заботу о родителях — играть роли парень не умел, и не будь этого обстоятельства, Бай Цинь в первом же мире раскусил бы неладное куда раньше.

Первоначальный владелец тела горел идеей изобрести лекарство, которое вернуло бы миру прежний смех и радость, однако методы его исследований были слишком радикальными, что вызывало всеобщее недовольство. Прямо накануне создания заветной сыворотки излишне фанатичные изыскания ученого привели к тому, что в лабораторию ворвались недоброжелатели и убили поглощенного работой исследователя. Лекарство так и не увидело свет, а последовавшая за этим эпоха прошла под знаком неразрешимой проблемы зомби-вируса: в то время как верхушка общества продолжала наслаждаться беззаботной жизнью, бесчисленные люди продолжали влачить жалкое существование среди бескрайнего моря живых мертвецов. Желание первообладателя тела заключалось в том, чтобы спасти мир.

Разобравшись с этим, Фан Цзинь невольно потёр лоб. Если говорить об этом проще, то убийство зомби — это уже спасение мира, но полностью мир от этого не спасётся; с другой стороны, можно сказать, что спасти мир окончательно удастся лишь после создания вакцины.

— Сяо Чжа, перенеси нас в мир.

— О, хорошо! — Сяо Чжа очень усердно выполнял свою работу. Впрочем, иметь какое-то дело само по себе было огромной радостью.

В момент перемещения в новый мир Фан Цзинь почувствовал лёгкое головокружение. Когда в голове прояснилось, он приподнялся и огляделся. Сейчас ещё не настало время хаоса, вызванного зомби — до их появления оставалось почти два года, так что у Фан Цзиня было время на адаптацию.

Мысленно Фан Цзинь произнёс: — Сяо Чжа, дай мне препарат для развития мозга.

— ...Хорошо.

Сяо Чжа немного нервничал. Судя по всему, эта сыворотка действительно была нужна — разве он не видел, что его дорогой хозяин-содержимое уже нуждался в ней?

Осторожно преподнеся препарат, он захлопал ресницами.

Фан Цзинь посмотрел на Сяо Чжа, похожего на трёх-четырёхлетнего ребёнка, и невольно усмехнулся. Если бы вокруг не было людей, оставить Сяо Чжа в таком виде было бы даже неплохо.

Одним махом Фан Цзинь осушил флакон.

Затем он опустил руку на голову Сяо Чжа, потрепал его волосы и велел: — Передай мне воспоминания первообладателя и сюжет по очереди.

Да, воспоминания первообладателя были куда более субъективными, охватывали больше сторон и несли в себе его эмоции, что значительно облегчало Фан Цзиню выполнение задания.

Сюжет запутан, воспоминания монотонны — на этом контрасте мир казался сложным, а первообладатель — до слёз наивным. Один человек не в силах противостоять целому миру, и в этом было нечто трагичное.

Первообладатель был наивен до крайности: всё его сердце было занято лишь созданием результатов исследований по разработке сыворотки и спасением всего мира. Он совершенно не думал о собственном физическом состоянии, не задумывался о том, сможет ли База Синтянь распространить вакцину после её создания, и тем более не помышлял о защите собственной жизни.

Первообладатель пересекался с главным героем и главной героиней всего один раз — когда те ворвались к нему, чтобы убить. Он запомнил их лишь по тому мимолётному взгляду.

Главного героя звали Сяо Фантянь, а главную героиню — Тун Я. Они были сокурсниками по университету, но особенно сблизились уже после вспышки эпидемии зомби. Семья Сяо Фантяня была бедна, из близких у него остался только он сам, да порой заявлялись наглые родственники. Семья же Тун Я жила весьма зажиточно: хотя они ещё не входили в высший

свет, их положение было несравненно лучше, чем у Сяо Фантяня.

После апокалипсиса состояние семьи позволило Тун Я не беспокоиться о тяготах выживания. Позднее Сяо Фантяню, пробивавшемуся с боями, встретила капризная Тун Я, которая захотела прогуляться за пределами убежища. Пережив череду неприятностей и заручившись поддержкой Тун Я, Сяо Фантянь зажил в эту эпоху конца света очень вольготно.

В отличие от главных героев, семья первообладателя была поистине богатой, а сам он выглядел типичным мажором из высшего общества. У него был старший брат, но сам первообладатель, будучи младшим, вовсе не превратился в избалованного гуляку. Из-за чрезмерной опеки семьи его характер оставался чистым и наивным — он искренне верил, что в мире существуют лишь добро, красота и справедливость, что и привело к последующим событиям.

Фан Цзинь снова не удержался и потёр лоб: это же надо было умудриться растерять столь выигрышные карты!

На приведение мыслей в порядок ушёл целый час. К этому моменту Фан Цзинь уже покинул родительский дом и жил отдельно, временно избавившись от необходимости видеть своего чересчур властного старшего брата.

В настоящий момент первообладатель работал профессором биологии в университете, его жизнь протекала спокойно и размеренно. В мире не чувствовалось и намёка на надвигающийся конец света: стоило включить новости, как оттуда неслись лишь скандалы со звёздами шоу-бизнеса или истории о каком-то крестьянине, который якобы нашёл сокровище в огороде, но оказался обманут мошенниками.

Однако конец света приближался, и это был неоспоримый факт, от которого нельзя было отмахнуться.

Фан Цзинь поднялся на ноги, вытянул руки и размялся.

Он не собирался терять ни минуты — нужно было сразу окунуться в привычную жизнь и заблаговременно подготовиться к грядущему апокалипсису.

Во-первых, читая лекции в университете, Фан Цзинь ввёл бесплатные факультативные занятия и постоянно занимался благотворительностью. Поскольку он помог очень многим людям, это принесло щедрый урожай очков морали и позволило собрать немало Удач. Во-вторых, Фан Цзинь активно готовился к концу света: укреплял свой особняк, модифицировал машину, запасал припасы и совершенствовал собственные способности. В-третьих, он изо всех сил старался пробудить свою родословную, используя конвертированные из очков морали Золотые монеты для повышения вероятности успеха, а заодно планировал хранить часть припасов на перевалочном пункте. Сяо Чжа с огромным энтузиазмом брался за любую работу, а Фан Цзинь не возражал подкинуть ему какую-нибудь игровую приставку, глядя на радостное лицо малыша — это помогало и самому Фан Цзиню немного расслабиться.

Впрочем, поскольку первообладатель из своенравия съехал из дома и жил самостоятельно уже целый год до появления Фан Цзиня, его старший брат начал терять терпение, исподтишка пытаясь вернуть младшего брата домой.

В то же время главные герои тоже поступили в университет. Да-да, первообладатель был профессором в том самом вузе, а главные герои — студентами, так что впереди жгло немало забавного.

Сам же Фан Цзинь вовсе не собирался их разыскивать, хотя им неизбежно приходилось пересекаться во время занятий.

Фан Цзинь никогда не устраивал перекличек на лекциях, ведь ему достаточно было бросить один беглый взгляд, чтобы понять, кого из незадачливых студентов нет на месте. Прекрасно зная о проблемах, которые вскоре обрушатся на них, он не стал мелочиться. Это привело к тому, что за Фан Цзинем закрепилась репутация исключительно мягкого преподавателя, из-за чего число записавшихся к нему студентов росло, а вот на самих лекциях народу сидело всё меньше.

Фан Цзинь приподнял брови и в один прекрасный день решил преподать им урок: он прямо на лекции огласил точное количество пропусков каждого студента с начала семестра. В итоге желающих записаться на этот курс поубавилось, зато на самих занятиях аншлаг.

К немалому удивлению Фан Цзиня, очки морали от таких действий начали стремительно расти, а запас Золотых монет в его руках — резко увеличиваться. К тому же, благодаря реальному вкладу в развитие образования, спустя год Фан Цзиню удалось поднять вероятность пробуждения Родословной Речи Истины до семидесяти пяти процентов и запастись колоссальным объёмом припасов. Помимо этого, за уникальный вклад в биологическую науку Фан Цзиня пригласили подключиться к исследованию недавно появившегося вируса. Да-да, это был тот самый первоначальный зомби-вирус, хотя многие ошибочно принимали его за мутировавший вирус бешенства. Ни в сюжете, ни в памяти первообладателя не было никакой информации об этом эпизоде, но раз уж ситуация не несла вреда, а напротив, помогала справиться с заданием, Фан Цзинь согласился.

Ничто не появляется на пустом месте и тем более не вспыхивает без причины.

Вирус зомби зародился давно, в некоторых местах уже успели объявиться живые мертвецы, но всякий раз, когда происходило нечто подобное, окружающие списывали всё на неудачную вакцинацию от бешенства и отправляли пострадавших на карантин в больницы. Поскольку в условиях закрытого лечения состояние больных слегка улучшалось, кроме изоляции самих вирусов и заражённых, на это никто не обращал особого внимания. Однако изолировать удавалось далеко не всех и далеко не всегда должным образом, и когда ситуация дойдёт до критической точки, сдерживать её станет невозможно.

Прошёл год. Кое-кто окончательно потерял терпение и тайком заявился без приглашения.

Закончив дела в университете, Фан Цзинь вернулся в свой особняк, намереваясь принять освежающий душ и немного отдохнуть. Но едва переступив порог, он резко замер на месте, уставившись на незваного гостя.

Это был потрясающе красивый мужчина. Было заметно, что годы наложили на него свой отпечаток: он выглядел невероятно зрелым, источал трудноописуемое очарование, в каждом его движении сквозила выработанная годами элегантность. В его глубоких, перенёсших испытания времени глазах таилась глубина, а тёмный, подобный ночной мгле взгляд, обращённый на вошедшего, любого другого человека заставил бы оцепенеть от страха, лишив возможности даже пошевелиться.

Помимо мимолётного удивления при первой встрече, Фан Цзинь не испытал ни малейшего напряжения. Лишь равнодушно приподняв веки, он бросил на гостя ленивый взгляд и повернулся, чтобы заняться тем, чем и собирался.

Лян Чжуан сжал кулаки, силой заставляя себя оставаться на месте, хотя всё его внутреннее «я» кричало и вопило: поднимись, схвати его, иначе потом горько пожалеешь...

Но он не сдвинулся с места, потому что это жуткое чувство казалось чересчур неестественным, и закалённый в боях, излишне осторожный мужчина не решался действовать опрометчиво.

В корпоративных войнах он привык не иметь слабостей, но стоило ему потерять контроль и поддаться этому порыву, как всё вокруг перевернулось бы с ног на голову.

Когда Фан Цзинь вернулся, Лян Чжуан по-прежнему сидел в той же позе, в какой тот его оставил, не сдвинув ни единого мускула. В душе Фан Цзиня шевельнулось любопытство: почему эта картина до боли напоминает капризного ребёнка, устроившего бойкот?

Впрочем, сам Лян Чжуан не замечал собственной странности, продолжая сидеть с выпрямленной спиной, а затем украдкой, исподлобья, бросил на Фан Цзиня один взгляд, а следом — второй.

Фан Цзинь мысленно потерял дар речи. Такой вид ясно говорил лишь об одном: я дуюсь на тебя, ну же, утешь меня скорее, поживей!

Фан Цзинь помассировал виски. В воспоминаниях первообладателя и сюжете этот старший брат всегда представлял исключительно суровым и безупречным человеком. Почему же в его глазах тот превратился в столь комичного персонажа? Неужели сюжет и память могли настолько разойтись с реальностью?

И хотя внутренне Фан Цзинь продолжал иронизировать, необходимую работу он всё же выполнил.

— Взгляни, — Фан Цзинь протянул Лян Чжуану собственноручно составленные и упорядоченные материалы.

<http://bllate.org/book/22173/2309940>